

18+

Клубунд

БОРДЖИА

Перевод с немецкого
Людмилы Шаровой

Клабунд
Борджиа

«Издательские решения»

Клабунд

Борджиа / Клабунд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-512468-5

Род Борджиа подарил католическому миру два десятка кардиналов и двух римских пап. Александр VI, 1492 — 1503, значительно расширил пределы Папской области и превратил ее в централизованное государство. Он также был меценат, любитель искусств. По его инициативе были выполнены многие архитектурные работы в Риме. Но имя Борджиа стало синонимом распущенности, вероломства и коррупции. Возвышение собственной родни любыми способами являлось для Александра VI более важной задачей, чем реформа Церкви.

ISBN 978-5-00-512468-5

© Клабунд
© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	6
I	8
II	9
III	10
IV	12
V	14
VI	16
VII	18
VIII	20
IX	21
X	22
XI	24
XII	25
XIII	27
XIV	29
XV	31
XVI	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Борджиа

Клубунд

Переводчик Людмила Васильевна Шарова

© Клубунд, 2020

© Людмила Васильевна Шарова, перевод, 2020

ISBN 978-5-0051-2468-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

Я предаю бумаге эти строки о давно минувшем времени, вывожу слова, воскресающие в памяти былое, как повод к размышлению о настоящем, описываю прошлое, чтобы задуматься о будущем.

Мое имя Йоханнес Гориц, я родился в Люксембурге в Немецкой империи. Мое положение регистратор прошений. Мой дом на Траянском форуме в Риме открыт для всех образованных людей. Самые выдающиеся немцы, которые приезжали в Рим, всегда оказывали мне честь своим посещением. Таким образом мне посчастливилось принимать и угощать в моем доме Рейхлина, Коперника, Эрасмуса, Ульриха фон Гуттена⁽¹⁾ и того, в конце концов ставшего знаменитым и как почитаемым, так и пользующимся дурной славой бывшего монаха Мартина Лютера⁽²⁾. Последний, если мне не изменяет память, был самый отменный едок; этот господин с одинаковым наслаждением варварски пожирал и роскошного каплуна и толстое жаркое из свинины. Вообще в нем удивительно хорошо уживались монашеское и варварское, немецкое и скифское, и это было именно то сочетание противоречивых качеств, которыми как нельзя лучше можно описать нравы, царившие в то время в «Вавилонски греховном» Риме. Тогда земля вращалась быстрее вокруг своей оси. Люди легко теряли равновесие. Кометы с длинными хвостами двигались над ночным горизонтом. Сатурн мерцал зловещим светом. Везувий и Стромболи выплевывали огонь. Войнам, революциям и религиозным гонениям не было конца, а гуманности не было и в помине, хотя все говорили о гуманизме. Как мог Рим в этом хаосе сохранить неизменными свои моральные ценности? Стоило ли удивляться тому, что скала Святого Петра закачалась и заколебались сами основы Святой Церкви? В свободное время, которое мои пространные служебные обязанности оставляли мне, я собственной рукой составил на латыни этот дневник римских событий, происходивших во время Борджиа. Эта рукопись была единственной ценностью, которую я спас от грабежа в Риме в 1527 году от Рождества Христова, того злосчастного года⁽³⁾, когда я потерял все, что имел, вплоть до здоровья моего тела и ясности моего разума.

Судьбе было угодно очень близко свести меня с выдающимся гигантом того времени, имя которому Александр Борджиа. У меня часто была возможность беседовать с его необыкновенно прекрасной и грациозной дочерью Лукрецией, а также с его Светлостью Герцогом Романья, Чезаре Борджиа, как лично, так и в самом доверенном узком кругу, и составить мое собственное мнение об этих трех личностях, которые были одновременно и милыми и недоброжелательными, и в их душах уживалось множество противоречивых свойств.

Пожалуй, каждый, кто судит о Чезаре Борджиа только по его поступкам и памфлетам его врагов, которых у него было множество, представляет совершенно искаженную картину его внешности и его публичного поведения. Чезаре Борджиа всегда были присущи особенная вежливость, сдержанность и редкая скромность. Короче говоря, он казался идеалом добродетельности и обходительности. Его же действия и планы стоят на совершенно другом уровне. Его персональное обаяние и мягкость уживались в нем с прагматической черствостью и жестокостью. Не умея любить, он всегда был любезен, и я помню, как восхищенно мне рассказывал Макиавелли о своей встрече с ним. Именно после этой встречи зародилась идея его трактата о «правителе». И это в то время, когда Чезаре Борджиа уже был на пути к своему закату, поскольку французская болезнь уже сильно его подкосила. Точно так же и об Александре VI, могущественном основателе династии Борджиа — поскольку именно так его следует рассматривать — ходят совершенно неверные легенды, когда они касаются видимой стороны его личности. У каждой исторической личности существует множество граней, но очень часто какая-то отдельная грань, обманчиво вспыхнувшая однажды, затмевает настоящую ее сущность.

Очень возможно, что у него внутри жил дьявол, но он никогда не проявлялся внешне. Александр Борджиа был одним из красивейших людей своего времени, необыкновенно энергичным вплоть до самых последних дней. Но его ясный гармоничный характер сочетался со всеми демонами тьмы. Он безумно любил своих детей и заботился только о том, чтобы усилить власть Борджиа, проявляя чрезвычайную осмотрительность, но при этом попирая все моральные устои. Все, что он делал, он делал на виду у всех, ничего не скрывая, и я больше никогда не встречал человека, кто подобно ему настолько презирал бы мнение окружающего мира. Я вовсе не собираюсь защищать репутацию Борджиа. Я всего лишь держу в своих руках весы справедливости. Один лишь Бог может судить о том, какая чаша перевесит. Я только регистрирую прошений. И я регистрирую.

I

В те далекие времена, когда собственно времени еще не было, когда бесконечное небо, небо вечности, простиралось над Элладой, жил человек по имени Иксион.

Изумрудные ящерицы, ядовитые змеи, саранча, сверчки, жуки, овцы, олени, лошади жили вместе с ним. Извивающиеся змеи висели, как дорогие цепи, вокруг его шеи, ящерицы лизали его тонкие пальцы своими маленькими языками.

Но больше всего он любил молодую дикую кобылу, у которой не было имени, так как тот, кому дано имя, обладает свойством возбуждать соблазн и желание обладать.

Оставив кобылу без имени, Иксион хотел уберечь ее от богов и людей. Ведь без имени никто не мог позвать ее за собой.

Но однажды Зевс, Бог Богов, увидел с высокого Олимпа кобылу, пасущуюся на лесной поляне.

Зевс спустился на землю в образе орла. Едва коснувшись земли, он обратился в жеребца.

Кобыла испугалась и помчалась прочь от пылкого Бога. Громко сопя, она испуганно неслась по лесам и полям. Наконец, она добежала до гор.

Она поскакала по скалам, как горная серна, а над бездной ущелий, не отставая, гнался за нею сопящий жеребец. Кобыла галопом забежала прямо на Олимп. И здесь на вершине горы Бог овладел ею.

Иксион со стенаниями бродил с раннего утра вплоть до поздней ночи по рощам и лугам. Он не мог найти свою любимую кобылу. И поскольку у нее не было имени, то он только кричал: «Ай! Ай! Ай!»

Когда спустя неделю кобыла все еще не нашлась, он совсем обезумел.

Он бегал на четвереньках, ел траву, растерзал и растоптал саранчу, сверчков, жуков, ящериц и ржал как лошадь.

Это ржание услышал Зевс. Он поднял его ветром к себе на Олимп, подвел к столу Богов и своей божественной властью избавил его от безумия.

Зевс сделал его своим виночерпием. Однажды, когда Иксион ополаскивал кубок своего господина у источника во дворе перед Дворцом Богов, он внезапно услышал из конюшни знакомое ржание.

Он последовал за ржанием и обнаружил свою кобылу, которая радостно прыгнула на него, как собака, и положила оба передних копыта на его плечи.

Переполненный обидой на то, что Зевс похитил у него кобылу, Иксион решил отомстить Богу и положил глаз на Геру, прекрасную супругу Бога.

Однажды ночью он прокрался к ней.

Но Зевс, всеведущий Бог, послал навстречу ему облако Нефелле, которому он придал облик Геры. И Иксион овладел облаком.

На следующий день в полдень Иксион, уверенный в том, что ночью он спал с Герой, пришел во дворец, где Боги сидели за трапезой, и воскликнул:

– Я овладел Герой, супругой Зевса!

В ужасе Боги вскочили с мест.

Зевс побледнел и вызвал двух слугителей. Он приказал заковать Иксиона и привязать его на северной стороне Олимпа к вечно катящемуся огненному колесу⁽⁴⁾.

II

Нефелле, облако, через девять месяцев родила от Иксиона сына, которому дала имя Кентавр.

Уже с детства Кентавра, как и его отца, тянуло к лошадям. Он играл с безымянной кобылой в конюшне Зевса и вскоре научился ездить верхом на ней по всем четырем сторонам света.

Однажды он убежал на кобыле из мира богов и поселился в мире людей. Там он нашел жену и произвел с нею на свет семь сыновей. Но так как в горных лесах Фессалии было мало женщин, его сыновья смешивались с дикими кобылами.

В каменоломнях и влажных ущельях кобылы производили на свет детей: наполовину людей, наполовину лошадей. Верхняя часть их была телом человека, а нижняя — телом лошади. Гиппокентавры вырастали дикими, жадными существами.

Они воевали с животными, людьми, полубогами. Даже Гераклу пришлось помериться с ними силами в Аркадии.

В своей самоуверенности и заносчивости они даже пытались напасть на Олимп. Безымянная кобыла показала им дорогу. Они поскакали галопом вверх под покровом утреннего тумана. Но Зевс, предупрежденный вспугнутой совой, стал метать в них молнии и обратил их в бегство. Они прыгали со скал и щебень с грохотом скатывался за ними. Многие сломали себе шею или спину, и после орлы и коршуны поедали их сердца и внутренности.

Однако, некоторые из них добежали до Средиземного моря, бросились в волны и уплыли в другие страны: в Африку, в Сицилию.

Двоим удалось добраться до Испании. И Борджиа, как говорит легенда, произошли от них.

Борджиа считают своей исторической родиной испанский город Борха, расположенный недалеко от Уеча в провинции Сарагоса. Восемь рыцарей Борджиа сражались под предводительством Дона Хайме против мавров, и в 1238 году впервые раздался их боевой клич: «Борджиа! Борджиа!»

В цискарианском аббатстве Санта Мария-де-Веруэла у подножия Монкайо, расположенном к западу от Борха, Борджиа сложили к ногам Святой Девы Марии свои трофеи, добытые в войне с маврами: кривые сабли, чалмы, пояса, кинжалы, пряжки.

На одной из этих пряжек висела мавританка Ноа. Все восемь Борджиа любили ее в продуваемом ветрами шатре в знойном Тахо до тех пор, пока последний из них, обуреваемый ревностью от того, что семь других Борджиа обладали ею до него, не задушил ее в объятьях.

С последним вздохом из ее горла вырвалось: «Борджиа! Борджиа!»

III

В несчастливом 1455 году испанец Альфонсо Борджиа, бывший личный секретарь короля Неаполя Альфонсо I Великодушного, поднялся на Святой Апостольский Трон под именем Каликста III. Ему было тогда уже семьдесят семь лет, он страдал хронической болезнью желудка и как все, страдающие болезнью желудка, обладал угрюмым, недоверчивым характером и только иногда в нем проблескивал желчный юмор, словно свет зеленой луны, пробивающийся из-за черных облаков. Он был предан юриспруденции, изучал Пандекты и Римские Декреталии⁽⁵⁾ гораздо усерднее, чем Ветхий и Новый Завет. Ему доставляло удовольствие задавать изощренные юридические вопросы и отвечать на них еще более изощренно.

Как комета тащит за собой свой хвост, так Альфонсо Борджиа притащил за собой в Рим целую свиту испанцев.

С этого времени везде — на улицах, во дворцах, во всех общественных местах — они вели себя очень вызывающе, разговаривали только по-испански, едва умея объясняться на ломаном итальянском языке. И очень часто испанские сеньоры покушались на итальянских женщин, жен и дев, и имели у них бóльший успех, чем итальянские синьоры. Повсюду были злые лица, кипела злая кровь, то и дело вспыхивали драки на рапирах в темных улочках. И однажды возмущенная толпа после короткой расправы сбросила с моста в Тибр молодого испанца, которого поймали с четырнадцатилетней красоткой в городском квартале Понте. Ему удалось доплыть до другого берега и спастись. Это был двадцатичетырехлетний Родриго Борджиа, племянник Папы, молодой человек необычайной красоты, притягивающий женщин, как магнит железо. Он прибыл за несколько дней до этого из Болоньи, где ему было присуждено звание Доктора Канонического Права. Еще совершенно мокрый, со стиснутыми зубами, явился Родриго Борджиа в Ватикан, оттолкнул алебарды швейцарских гвардейцев и проник в рабочий кабинет Папы, который в этот момент был занят тем, что пытался найти юридическую возможность расторжения брака для супругов с третьей степенью родства.

Он поднял сердитый взгляд от своего пергамента.

— Послушай, дядя, — начал Родриго, с которого все еще стекала вода, — твои римлянки очень красивы, но твои римляне не понимают толк в удовольствиях.

— Они облили тебя с головой, как же им это удалось? — проворчал старик.

— Перестаньте шутить, Дон Альфонсо. Вы — Борджиа и я — Борджиа. Все остальные — это чернь. Нам необходимо держаться вместе. Я хочу сделать Вам предложение, которое пришло мне на ум, когда я плыл в Тибре, в грязной воде, которую я выплевывал изо рта и из носа. Как Вы смотрите на то, чтобы облачить меня в пурпур кардинала?

У Папы округлились водянистые глаза.

— Что, — взвизгнул он, — ты хочешь быть кардиналом? — Под столом его живот затрясся в беззвучном смехе. Но все же казалось, как будто он боялся выпустить этот смех из-под стола, так как перед ним стоял, словно изваянный из бронзы, с каменным злым выражением на красивом лице, Родриго Борджиа, Борджиа, как воплощение мужской силы, желания и воли.

— Чернь должна почувствовать железную руку, — произнес Родриго Борджиа. — Тот, кто отступил однажды, уже проиграл. Тот же, кто может ударить кулаком по лицу, всегда выигрывает.

Папу одолевали сомнения о юридической стороне дела, он хотел бы справиться в Комментариях, Римских Декреталиях и других документах, будет ли кровное родство...

Родриго ударил маленьким, изящным, но твердым, как камень, кулаком по столу, так что резное деревянное распятие высоко подпрыгнуло вверх.

– Только кровное родство, дядя, оправдывает и это, и все остальное. Родство по крови — это самая святая связь, которой человек может быть привязан. Разве не одна кровь течет в твоих и моих жилах, Альфонсо Борджиа? Послушай, как она шумит...

И он разорвал свою мокрую рубашку и прижал к своей груди голову старика, чтобы тот услышал, как там в глубине бьется сердце, сердце Борджиа.

IV

Каликст III созвал Святую Коллегию⁽⁶⁾. Кардиналы Еструтевиль, Капраника, Виссарион пытались возражать против назначения Родриго кардиналом.

Но из этого ничего не вышло. Каликст III подкупил остальных прибыльными приходами и аббатствами.

Едва Родриго Борджиа очутился в Коллегии, он начал манипулировать слабым и болезненным дядей и всеми слабыми членами Коллегии. Прежде всего, он настоял на том, чтобы еще двое Борджиа получили высокие должности в Церкви: Дон Луис Борджиа стал епископом Сеговии и Леи; Педро Борджиа был назначен префектом города Рима, отчего тотчас же пошатнулось положение Орсини⁽⁷⁾ и Колонна⁽⁸⁾.

Мужчины и женщины трепетали в присутствии Родриго, и ходили слухи, что даже святые на картинах Ватикана опускали глаза, когда он, смеясь, подходил к ним и осенял их крестом.

Он служил свою первую мессу, еще не совсем разобравшись в церковных обычаях. Но там, где ему недоставало латинских слов, вместо них он вставлял: «Борджиа! Борджиа!» Он разламывал облатку слишком рано и даже иногда неосторожно ронял ее кусок. В течение всей своей жизни он всегда очень неохотно служил мессу и небрежно обращался с облаткой. И всегда что-нибудь было не так в его службе: то не было свечей, то певцов, то балдахина, а иногда и его самого не было на месте.

– Послушай, дядя, — обратился Родриго к Каликсту, — это действительно мудро с твоей стороны поддержать Крестовый поход против турок, которые, впрочем, не сделали нам ничего плохого, потому что этим ты завоеешь себе популярность в христианском мире. Но ты также не должен забывать об укреплении основ династии Борджиа. Ты пожаловал мне приходы Беневент и Террацина. Прекрасно. Я облачен в кардинальский пурпур. Но теперь я хочу стать вице-канцлером. Это наивысшая должность после твоей. Ты стар, прости, что я напоминаю тебе об этом, но если с тобой что-нибудь случится... ты должен защитить наше положение и наше влияние от случайностей.

Папа, перед которым стоял стакан с зеленой желудочной настойкой, внушающей ему отвращение, опустил свои веки без ресниц и размышлял о требовании своего племянника. Наконец, он поднял взгляд на Родриго.

– Ты прав. Я подпишу декрет завтра.

Каликст III (*Гравюра из собрания Онуфριο Панвинио, 1568*)

Родриго Борджиа приблизился к нему на шаг, так что тот почти испугался.

– Завтра? Сегодня, дядя, сегодня, сейчас, в эту минуту Вы подпишете декрет, который я составлю сам, чтобы избавить Вас от лишних трудов. Итак: «Мы, Каликст III...»

V

На соколиной охоте встретились кардинал Родриго Борджиа и граф Жан Д'Арманьяк. Они обменялись приветствиями и решили продолжать охоту вместе.

На пикнике, когда были откупорены бутылки с вином, разогретый вином граф Д'Арманьяк попросил молодого кардинала, который тоже выпил достаточно, но при этом остался совершенно трезвым, о беседе с глазу на глаз. Они отошли в сторону, прислонились к деревьям и некоторое время стояли молча, прежде чем граф отважился заговорить.

В смущении он ударил хлыстом по стволу дерева.

– Занимался ли достопочтимый господин кардинал когда-нибудь... вопросами любви... в свободное время, которое оставляли ему его духовные заботы?..

Кардинал вежливо улыбнулся:

– Разумеется, но, конечно, теоретически, главным образом, платонически, как это подобает

служителю Церкви.

– Конечно, конечно, — поспешно согласился граф. — Но меня интересует как раз теория, основные принципы этого, а именно: разрешает ли Церковь бракосочетание между близкими родственниками, я хочу сказать... возможно ли это?..

Глаза кардинала загорелись. Может ли он узнать у господина графа, с кем господин граф желал бы сочетаться браком?

Граф от волнения почти протрезвел. Он уже сожалел о своей откровенности перед непроницаемым Борджиа. Но было уже слишком поздно сохранять тайну. Он опустил голову, как пойманный на шалости ученик:

– Я люблю... мою сестру.

Кардинал молчал.

Наверху в листве деревьев шумел ветер.

И завыванию ветра вторил дербник, хищный сокол.

– Слышите, — сказал кардинал, — как прекрасно, как громко, как честно кричит эта птица! Мы люди только жалкие лжецы по сравнению с ней.

Граф молчал. Он хотел скрыться от взгляда этих раскаленных черных глаз, который был для него невыносим.

Кардинал повернул кольцо с лунным камнем на левой руке.

– Полудрагоценный камень, но камень счастья. Вы должны подарить себе и Вашей сестре, Вашей возлюбленной и скоро Вашей супруге, лунный камень.

Граф почувствовал, как краска залила его лицо.

– Значит, Вы не осуждаете и не презираете меня из-за моей неестественной любви и страсти?

Кардинал улыбнулся.

– Как может быть противоестественным то, что существует в природе?

– И Вы полагаете, что Вы могли бы ходатайствовать перед Его Пресвященством, Вашим высокочтимым дядей, о разрешении на брак?

С опущенной головой он добавил:

– Ивонна ожидает ребенка через семь месяцев.

Кардинал отделился от дерева, и казалось, как будто из ствола вдруг вышел лесной Бог.

– Не беспокойтесь. Я сам составлю буллу с разрешением брака для Вас. У Вас будет возможность перевести 25 000 дукатов моему банкиру, из них значительная часть предназначена для секретаря Его Святейшества, господина Джованни ди Фольтерра, и для второго визирующего кардинала.

– А подпись Святого Отца?

Кардинал звучно рассмеялся:

– Святой Отец подписывает безвозмездно! Пойдемте, граф, наша свита уже беспокоится о нас!

VI

Каликст III умер в возрасте восьмидесяти лет.

Враги Борджиа, этих проклятых каталонских незваных гостей, восприняли духом.

Во дворце Орсини, поставивших перед собой цель любыми способами бороться с испанцами, устроили праздничный пир, на котором председательствовал Родольфо Орсини, худой и высокомерный. Здесь же присутствовали и члены семьи Колонна. Той же ночью Орсини встретился с одним из своих самых доверенных слуг, французом Бриконнетом.

Следующим утром Бриконнет был найден заколотым на Виа Гидеа.

Покушение на Родриго Борджиа не удалось. Родриго Борджиа опередил Орсини.

Боясь покушения, многие испанцы, включая Борджиа, покидали Рим и бросали на произвол судьбы свои дома, которые грабила чернь. Только Родриго Борджиа не отступил. С личной охраной из десяти вооруженных до зубов каталонцев он явился к Родольфо Орсини, чтобы любезно побеседовать с ним о греческих рукописях Ватиканской библиотеки.

Пий II занял папский престол.

Кардинал Родриго Борджиа еще был в постели, когда ему сообщили о прибытии папского курьера. Жюльетта, абсолютно раздетая, подавала ему шоколад. Коринна, прикрытая только тонким серебряным покрывалом, сидела на краю кровати.

Папский курьер, семнадцатилетний красивый юноша из Пьемонта, переступил порог спальни и насторожился. Он попытался прикрыть глаза.

Смущенный, он поднял глаза к потолку. Но там он тоже увидел обнаженные женские тела, извивающиеся в чувственном хороводе, что заставило его покраснеть.

Жюльетта засмеялась.

Коринна улыбнулась.

Курьер еще больше смутился.

– Его Святейшество принимает ванны в Петриоло?

Курьер кивнул. Он, казалось, не мог произнести ни слова.

Жюльетта и Коринна шептались и бесцеремонно указывали пальцами на смущенного юношу. Кардинал вскрыл письмо и начал читать:

«Любимый Сын! Ваше Преосвященство!

Около недели тому назад в садах синьора Джиованни де Бичи состоялось пиршество и там собралось большое число женщин сомнительной репутации, чтобы в присутствии Вашего Преосвященства доставить удовольствия, назвать которые более точным именем Нам не позволяет стыд. А чтобы предаваться постыдной оргии без помех, супруги, братья, отцы и кузены молодых дам не были допущены к этому пиршеству, дабы они не мешали удовлетворению сладострастия Вашего Преосвященства и немногих избранных. Ваше Преосвященство от семнадцати до двадцати двух часов принимало участие в этой нехристианской вакханалии, не подобающей Вашему высокому положению. Мы не в состоянии найти подобающие слова, чтобы выразить Наше неудовольствие и возмущение. Здесь в Петриоло, в месте, где в настоящее время года находится множество священнослужителей и обычных посетителей, Ваше фривольное поведение бросает тень на жизнь всех служителей Церкви. И Мы сами, наместник Христа на земле, находимся в опасности подвергнуться всеобщему презрению, насмешкам и издевкам со стороны всего мира, так как Мы терпим безнравственное поведение Вашего Преосвященства. Однако, чаша Нашего Терпения переполнилась, и Мы в последний раз просим Ваше Преосвященство оставить греховную жизнь и покаяться. Ваше Преосвященство заседает в Совете при Священном Престоле, чему Ваше Преосвященство обязаны своим умом, энергией и знаниями. Но Его Преосвященству следует подумать над тем, как пострадает авто-

ритет Церкви, когда каменщик, которому доверено укреплять ее основы, вместо этого вынимает камни из ее основания, что со временем может привести к падению всей башни. Ваше Преосвященство еще очень молоды, всего двадцати девяти лет, но не настолько молоды, чтобы целыми днями искать одних наслаждений. Мы строго, но по-отечески, предупреждаем Вас.

Написано в Петриоло, 11 июня 1460 года. Пий II».

Кардинал читал с растущим неудовольствием, которое выражалось в гневных складках на его лбу. Когда он кончил, он откинулся на подушки и стал размышлять, что нужно сделать. Правым указательным пальцем он выводил разные знаки в воздухе. Курьер следовал за его движениями и, казалось, хотел их расшифровать.

Наконец, взгляд кардинала остановился на Жюльетте. Он рывком повернулся к курьеру:

– Ты приехал верхом или в карете, сын мой?

– Я приехал верхом, Ваше Высокопреосвященство.

– Прекрасно. Пусть запрягут одну из моих карет для выезда. Ты возвратишься в карете...

– Очень хорошо, Ваше Высокопреосвященство.

– С моим ответом передай Его Святейшеству вот ее: ее создал совершенной сам Бог.

И он указал на обнаженную Жюльетту.

– Накинь на нее мантилью, ничего больше, и отвези мой ответ Его Святейшеству.

Но не вздумай прибавить к ней в карете постскриптум. Отправляйся с Богом, сын мой.

И Жюльетте, которая не могла вымолвить ни слова: — Иди с Богом, дочь моя.

VII

Скульптор Умберто работал над статуей Юноны.

Родриго Борджиа увидел ее в его мастерской. Он был восхищен.

Он ходил вокруг нее на цыпочках. Он опустил занавес у окна, чтобы лучше разглядеть свет и тени.

Он проводил рукой по ее щекам и груди и гладил нежно колени.

– Сколько ты хочешь получить за нее, Умберто?

Умберто извивался от смущения, как дождевой червь.

– Ваше Высокопреосвященство, статуя уже заказана.

– Я заплачу вдвойне.

– Она заказана... моделью.

– Как! Юнона Вам позировет?

Скульптор кивнул.

– Я заплачу Вам втройне и Вы можете оставить статую у себя, если Вы позволите мне присутствовать на сеансе.

– Ваше Высокопреосвященство...

– Я укроюсь там, за портьетой или наверху на антресоли.

В дверь постучали.

Кардинал скрылся за занавесом.

Вошла Ванноцца.

– Мы одни?

– Одни.

Она сбросила одежду.

Ванноцца (*Гироламо да Карпи*)

Дрожа, скульптор принялся за работу. Его руки тряслись.

Ванноцца это заметила.

– Что с Вами, Умберто? Вы больны?

Умберто вытер пот со лба.

– Сегодня в мастерской очень жарко.

Портъера упала.

Ванноца обернулась.

Обнаженный, как и она сама, к ней приближался Родриго Борджиа.

Могла ли Юнона не простить Зевса, когда он без предупреждения удостоил ее своим посещением?

Родриго обратился к скульптору:

– Послушайте, Умберто, ступайте, Вам необходимо приобрести больше материала, Вы должны непременно создать композицию в камне: Зевс преследует Юнону.

VIII

Сверху донизу кардинал был забрызган кровью. Он выглядел, как мясник, который неумело зарезал быка. На его толстом, лоснящемся, но все еще красивом лице появлялись то ухмылка, то плачущее выражение.

«Сутана испорчена, — думал он, — материал от Бонтемполи в Милане был хорош. Но слишком дорогой, слишком дорогой. Надо попробовать связаться с евреем из оптовой лавки на Виа Венето. У него это должно быть очень недорого. Если я сэкономлю на каждом метре 3 гроша, то...»

Он погрузился в сложные расчеты. Внезапно его взгляд упал на Ванноццу, у которой он вместе с акушеркой принимал роды. На Пьяцца Прицци ди Мерло, поблизости от своего дворца, он приобрел и обустроил для нее дом. Ничто не было упущено. Даже муж. Он сочетал ее браком с Джорджио де Кроче, уступчивым, продажным господином, которого он определил в отцы своих детей. Ванноцца лежала на ложе после мучительных родов, погруженная в глубокий сон. Врач и акушерка беззвучно сновали по ковру взад и вперед, как две белки. В глубине комнаты у окна сидел испанский астролог с его инструментами и картами, смотрел на небо и составлял ребенку гороскоп.

Акушерка искупала ребенка. Она принесла его на чистой подушке и поднесла отцу прямо к его толстому, покрытому веснушками носу.

— Это девочка, — проговорила она.

Родриго Борджиа провел правым указательным пальцем по лбу крохотного существа и механически осенил крестом. «Девочка! — подумал он. — Я ожидал мальчика. Мальчиков не может быть слишком много. Они продолжатели рода. Рода Борджиа. Но мальчики уже были. Хуан и Чезаре уже родились. Говорят, что родится мальчик, если больше любит мужчина, и девочка, если больше любит женщина. — Он посмотрел поверх ребенка на мать. — Кто же должен родиться, если не любили ни отец, ни мать?» — размышлял он.

Тут ребенок еще больше искривил свое пока еще сморщенное старческое личико, так что стал выглядеть как смятая невидимой рукой пергаментная бумага. Потом у крохотного существа внезапно приоткрылись склеенные глазки, как узкие щелочки. Существо, казалось, хотело рассмотреть через приоткрытые веки толстого, большого человека, который стоял перед ним.

«Ты — мой отец? — спрашивало оно удивленно. — Думал ли ты обо мне, когда ты создавал меня? Хотел ли ты создать человека твоей нечистой крови? Или, может быть, ты хотел чего-то прелестного, прекрасного, мягкого, нежного, благородного, обладателя всех тех качеств, которые чужды тебе и твоей семье? Хотел ли ты пережить себя самого, оставить след в Вечности, в этом стремительном вихре Времени, или ты скоро выбросишь и забудешь меня, как завявший цветок?»

Глаза ребенка спрашивали, не надеясь получить ответ. Они светились неопределенным серебристым блеском, и еще нельзя было понять, будут ли это синие, коричневые или черные глаза.

IX

В седьмой день рождения Чезаре Родриго Борджиа явился в комнату сына, чтобы разбудить его отцовским поцелуем.

Адриана Мила, тетка, принесла кукурузный пирог, в котором горели семь свечей, подозрительно похожих на фаллус. Родриго держал в руке пергаментный свиток.

Мальчик, еще совсем сонный, протянул к нему руки.

– Ты все это получишь, мой маленький сын, ты получишь все это и впридачу все, что записано в этой бумаге.

И Родриго Борджиа развернул свиток и начал читать:

«Все доходы пребендов⁽⁹⁾ и должность каноника собора Валенсии даруются Синьору Чезаре Борджиа».

– Отныне ты: Синьор Чезаре Борджиа! — гордо произнес отец и прикоснулся ко лбу сына. — Синьор Чезаре Борджиа назначается казначеем Картахены. — Казначей Картахены — это ты. — Родриго рассмеялся так, что его обвисшие щеки затряслись.

Мальчик разозлился:

– Не смейся, папа. Жизнь совсем не смешна.

Дон Родриго остановился, насторожился. Потом он нежно погладил сына папской буллой.

– Ты прав, Чезарино, в свои семь лет ты не по годам умен. Ты далеко пойдешь. — Он вышел, оставив пергамент.

Мальчик прыгнул с кровати, почувствовав естественную потребность. Он вытащил серебряный ночной сосуд из-под кровати. И так как ему не хватило бумаги, он разорвал буллу Папы Сикста IV, в которой его только что назначили казначеем Картахены.

Х

Лукрецию вместе с Юлией Фарнезе, прозванной «прекрасной», ее тетка Адриана называла не иначе как примадоннами Италии.

Обе девушки соперничали друг с другом красотой и грацией.

Каждый вечер, когда Адриана уходила спать, они обе подходили обнаженные к зеркалу и наблюдали, как их молодые тела начинают округляться и наполняются женственностью.

Каждая ревниво относилась к другой, и каждая притворно восхваляла красоту подруги.

– Как чудесны твои золотисто-белокурые волосы, Лукреция! — говорила Юлия.

– Как нежен свод твоих грудей! Они как половинки земного шара, которые вытекают из тебя, — вторила ей Лукреция, при этом ее глаза были полны ненависти.

Юлия едко ответила:

– Что значит «вытекают»? Вероятно, ты считаешь меня слишком толстой?

Лукреция скривила губы:

– Что ты, Юлия! Ты стройна, как мальчик, так же стройна, как Чезаре.

Юлия покраснела, как вареный омар:

– Значит, я слишком худая, так?

Она подступила к Лукреции и вцепилась тонкими пальцами в ее распущенные золотистые волосы.

Лукреция вскрикнула и укусила Юлию в плечо, так что показалась кровь.

Юлия взорвалась:

– Ты грубиянка! У тебя отвратительные манеры!

– Такие же, как и у тебя, — и тоже от тети Адрианы.

Они смотрят друг на друга сквозь слезы.

Потом внезапно обе начинают смеяться.

Они протягивают навстречу руки и радостно заключают друг друга в объятия.

Чтобы усилить свое влияние, Родриго Борджиа выдал тринадцатилетнюю Лукрецию замуж за Джиованни Сфорца. Брак был заключен *in absentia*, согласия невесты никто не спрашивал. Хоть он — не Борджиа, но такой же мужчина, как и все остальные. Если он моется раз в неделю, ежедневно дважды полощет себе рот и выполняет три раза за ночь свой супружеский долг, то с ним можно будет смириться.

И даже после заключения брака Лукреция не сразу увидела своего супруга, поскольку она считалась еще слишком юной для супружеской постели.

Через несколько недель после свадьбы, когда Лукреция прогуливалась вдоль Тибра, ее стал преследовать статный молодой человек. Она не могла от него избавиться и, чтобы ускользнуть, убежала в оливковую рощу.

Юноша последовал за нею.

Так как он ей понравился, она, в конце концов, сдалась и остановилась.

И тут, когда он представился, оказалось, что это был Джиованни Сфорца, ее муж, которого она никогда до этого не видела.

Этот брак продолжался недолго. Скоро причины, побудившие Родриго к этому браку, больше не существовали.

Союз со Сфорца больше не был выгодным.

Родриго осознал, что он совершил ошибку и решил ее исправить.

Джиованни Галлеаццо Сфорца (*Джованни Болтраффио*)

Он добился расторжения брака Лукреции Борджиа и Джиованни Сфорца через Коллегию Кардиналов из-за «*impotentia coeundi*» супруга ⁽¹⁰⁾.

XI

Отец готовил Чезаре к духовному поприщу, в то время как Хуану была предназначена политическая карьера.

Чезаре был отправлен учиться юриспруденции и теологии в Перуджу, столицу Умбрии. В качестве гофмейстера к нему был приставлен испанец Франческо Ремолино.

Чезаре блестяще усвоил все правила придворного этикета, подобающие мужчине света.

Он ездил верхом, плавал, танцевал.

Он читал греческих и латинских классиков, среди них Цезаря, Ливия и Геродота.

Он овладел рапирой и шпагой.

Он прыгал, боролся и пел.

«Нужно прожить свою жизнь, — говорил Франческо Ремолино, — как прекрасное художественное произведение. Пусть другие делают грязную работу».

Больше всего Чезаре любил общаться с карликом по имени Габриеллино, которого он подобрал по дороге во время путешествия, как упавший с дерева орех.

Он разрешал карлику беспрепятственно болтать обо всем.

— Ваша светлость приехали в Перуджу, наверное, для того, чтобы подыскать место погребения для Вашего высокочтимого отца? Погребение в Перудже — это очень даже неплохой вариант.

Юноша наморщил лоб:

— Что ты имеешь в виду?

— Нынче Перуджа — это предпочтительное кладбище для Пап. Иннокентий III, Мартин IV, Бенедикт XI лежат погребенными здесь в соборе. Оба первых даже бок о бок, то есть пепел к пеплу в той же самой урне⁽¹¹⁾. Я часто пытаюсь представить, какая неразбериха произойдет в День Страшного Суда, когда раздастся трубный глас. Возможно, они воплотятся в чудо-Папу — в Папу с двумя головами? Ведь невозможно будет отделить пепел одного от пепла другого!

Чезаре рассмеялся:

— Ты обещал мне красивую девочку на вечер. Так иди и позаботься об этом!

Карлик ухмыльнулся:

— Я обеспечу Вам чудесное женское общество. Две очаровательных сестры: два тела — и никакого мозга, две души — и ни одной мысли. Ваш светлейший брат, который не зря носит имя Дон Джиованни, был бы...

— Замолчи, — прервал его разгневанный Чезаре, — не напоминай мне о моем брате. Я ничего не хочу знать о нем.

И, не читая, он разорвал письмо Хуана, которое только что получил.

Карлик, продолжая ухмыляться, вразвалку удалился.

XII

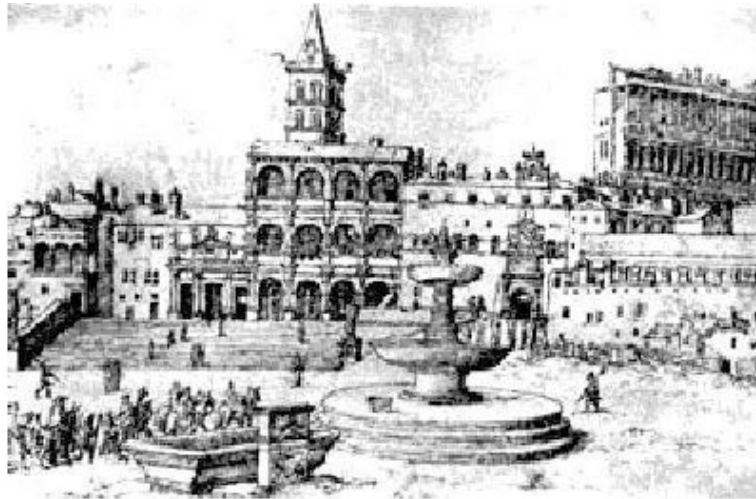
Между Тибром, Пинцио и Капитолием в долине раскинулся Рим, вечный, святой город. Улицы тесные, грязные, плохо мощеные. При дождливой погоде без высоких сапог можно утонуть как в болоте.

Торговые дома лежат на Пиацца Гидеа. В Рионе ди Понте обосновались коммерсанты и банкиры. В Рионе ди Тарионе проживают прелаты, книготорговцы, литераторы, художники, куртизанки.

Нет ночного освещения. Между мрачными, бедными домами неожиданно поднимаются роскошные дворцы и гордые храмы.

Руины прошлого встречаются повсюду.

На форуме пасутся гуси и козы. Вокруг Траянской колонны бегают дети. Население Рима пятьдесят тысяч жителей — в три раза меньше, чем в Венеции.

Площадь Святого Петра в 16 веке (*Рисунок Мэртена ван Хеемскерка*)

Родриго Борджиа покинул свой дворец, расположенный между мостом Ангела и Кампо ди Фиоре, через боковые ворота абсолютно неузнаваемый, одетый в лохмотья, но под лохмотьями был спрятан кинжал толедской стали.

Он пошел через квартал Понте.

Родриго остановился у церковных дверей и стал просить милостыню.

Его интересовало общее настроение среди народа: за или против Папы Сикста IV?

Орсини были за него.

Колонна и Савелли против него.

Ну а Борджиа?

Он надвинул дальше на лоб свою потрепанную калабрийскую шляпу.

Здесь в Понте, где находится Монт Джордано, господствовали Орсини.

Родриго Борджиа обогнул Торре ди Нона и Монт Джордано, где жила Адриана Орсини.

Нужно защитить Ванноццу от Орсини, но также и от Маргана, Фалле, Савелли, Цезарини, Барберини.

Для нее должны существовать только Борджиа, большие и маленькие. Она сама существовала только для того, чтобы плодить Борджиа. Борджиа должны быть сильными и много-

численными. Только они способны вознести Рим на небесную высоту. Кроме него, Родриго Борджиа, родоначальника Борджиа и создателя нового клана, появились уже с помощью Бога в этой жизни Хуан, Чезаре и Лукреция Борджиа, избранники, которым предназначалось повелевать всеми человеческими и животными существами, управлять ими с великодушием, смелостью, толковостью, красотой, но также и с непреклонной строгостью и твердостью при непослушании или сопротивлении.

Против Бога и Борджиа никто не может устоять. Хуан! Чезаре! Лукреция! Вы будете знаменосцами Борджиа!

Для вас, для могущества Борджиа, я создавал все мое богатство и дрался за него, и копил. Валенсия и Карфаген — это мои епископства и они посылают мне дань, так же как и 100 аббатств Испании и Италии. Почему я добивался должности вице-канцлера? Чтобы каждый год иметь возможность собирать десятки тысяч золотых гульденов для вас.

«Десятки тысяч золотых гульденов», — пробормотал он и протянул шляпу для подаяния перед Санта Мария дель Пополо.

Потом он зашел в трактир — в один из тех трактиров, которыми раньше владела Ванноцца⁽¹²⁾.

Он выпил несколько кубков Барберино и начал горланить:

– Ванноцца — это шлюха. За счет чего она живет, а? За счет распутства с ним, — и он сплюнул три раза, — так называемым кардиналом Родриго Борджиа, этим, да простит меня Бог, проклятым испанским интриганом. Это плохо кончится — и для него, и для нее. Почему ее достойный глубокого уважения супруг, Синьор Джорджио ди Кроче, не всадит ему кинжал между ребрами? — Родриго Борджиа вытащил свой кинжал из-под лохмотьев и стал им размахивать.

– Если я его, — он снова сплюнул, — этого Борджиа, когда-нибудь встречу, то я укорочу ему немного кишки вот этим инструментом. Парень должен меня остерегаться...

Со всех сторон в трактире послышалось:

– Тсс! Тсс! Тсс!

Но он продолжал кричать так громко, что было слышно на улице.

– Пусть все слышат, — кричал он, — что кардинал Родриго Борджиа — это оборванец, а Ванноцца — продажная шлюха! Пусть все слышат! Вы думаете, она обманывает своего достойного глубокого уважения супруга только с этим Борджиа? Как бы не так! Там есть еще испанские сеньоры Хуан Лопес, Марадес и Таранца, которые крутятся вокруг нее! Ха-ха, крутятся!.. И еще многие из благородных семей — Барберини, Чезарини, Орсини, Торкари — тоже могли посеять мужской побег, который, может быть, уже пустил в ней корни...

– Ну, это уже слишком, ты клеветник! — закричал огромный хозяин таверны. — Своим отвратительным рычанием ты позоришь меня и мое добропорядочное заведение перед всеми достойными уважения гражданами. Какое мне дело до Ванноццы и кардинала Борджиа? Пошел вон!

И он схватил Родриго Борджиа поперек тела и выбросил его наружу на мостовую, где тот оставался лежать несколько секунд, как мертвый, потом поднялся и, прихрамывая, побрел прочь и только пройдя несколько улиц он снова обрел свою обычную неторопливую походку.

XIII

Растолстевший с годами Родриго Борджиа занимал должность вице-канцлера при пяти папах.

Его невозможно было с нее сместить.

Он сидел, как утка на гнезде, он высиживал будущее Борджиа, он сидел и выжидал.

Гуманист Пий II, пытавшийся посланиями обратить султана Мохаммеда в христианство, умер. Хе-хе...

Тщеславный Павел II, который мало смыслил в латыни, собирал монеты и картины, чтобы не отстать от Медичи, умер. Хи-хи...

Вспыльчивый Сикст IV построил Сикстинскую капеллу, воевал с Флоренцией и Медичи, но не победил их, умер. О-хо-хо!..

Родриго Борджиа размышлял. Сикст IV мало уделял внимания церковной стороне Папства. Он больше занимался политикой.

Этот Иннокентий VIII, ха-ха, конечно, не будет жить вечно! Жалкая, трусливая собачонка, но он показал, как нужно вести дела. Он дарует отпущение грехов и прощение даже за убийства за соответствующую плату.

И он умирает.

Родриго стоит у его смертного ложа и чувствует, что его время пришло.

Он закрыл Папе глаза.

После этого Родриго широко расправил плечи и вышел из комнаты, где лежал умерший. Всем вдруг показалось, что он внезапно вырос. Его глаза сверкали победным огнем.

Сикст IV (Гравюра из коллекции Онуфрио Панвинио, 1568)

Конклав, Совет кардиналов, начался.

Родриго Борджиа — это испанец.

Большинство итальянских кардиналов считали, что Тиара должна достаться итальянцу. Они против «иностранца».

Уже три голосования прошли без положительного результата.

Казалось, выбор был между кардиналом Коста и кардиналом Караффа. Ставку делали на них. Но Борджиа тоже делал высокую ставку. На себя самого.

И Борджиа начал действовать. Он шел от одного кардинала к другому, неся на своих руках все богатства мира, которые он был готов распределить среди них. Он — великий искуситель. Он вел их на холмы Рима и показывал им Рим, показывал им Италию, показывал им мир. Ты, Орсини, получишь епископство Картагена, ты, Колонна — аббатство Субиако. Савелли, мой друг, тебе подходит Цивита Кастеллана и епископство Майорка. Епископство Памплона, роскошное как и его имя, будет предназначено тебе, Паллавицини. Риарио, Сансеверино — вы тоже получите свое! Ты, Асканьо Сфорца, ты — самый благородный, самый влиятельный, самый достойный, тебя я хочу осыпать золотом и милостью — если только Тиара украсит мою голову. Ты получишь мой собственный дворец, мое доходное и удобное место вице-канцлера, епископство Ерлеу, которое будет приносить тебе, по меньшей мере, 10 000 золотых дукатов, и много других преимуществ...

Так переходил Борджиа от одного кардинала к другому и заручился четырнадцатью головами.

Четырнадцать голосов!

Он ликовал! Только еще один единственный голос — и я — Папа, Папа Римский, Борджиа — заместитель Христа на Земле. Нет, Борджиа будет Богом!

Но двое из тех, к кому он пришел: Пикколомини и Чено, молодой Джованни ди Медичи, которого он почти любил, отвернулись от него.

Караффа и Коста, считавшиеся при начале Конклава самыми вероятными кандидатами, были разочарованы, что Тиара ускользает от них, и ничего не хотели знать о нем. Наконец, остался только один, кто еще не решил, на чью сторону встать. Это был девятилетний кардинал Жерардо.

Родриго Борджиа стоял перед ним и смотрел в его жадные ястребиные глаза, которые терялись в его изборожденном складками лице.

«Он стар, — думал Родриго Борджиа, — он дряхлый старик. Он уже хорошо нагрел руки. Что могут ему добавить еще несколько приходов? Совсем ничего. Совершенно бесполезно предлагать их ему. Он только высмеял бы меня. Является ли он поклонником искусства? Красивая картина, статуя — его и это вряд ли заинтересует. Этому старому, полумертвому человеку нужно пообещать что-то живое. Жизнь. А что такое жизнь? Что, как не женщина, девушка? Цветущая плоть, алые губы, нежное тело...» Кардинал Борджиа притянул кардинала Жерардо к себе и зашептал ему на ухо:

– Если сегодня в Совете Кардиналов Вы отдадите за меня ваш весьма ценный голос, то завтра, вскоре после полудня...

Следующие слова утонули в ухе Жерардо, и они снова стали слышны только в конце предложения:

– Да поможет мне Бог.

Ястребиные глаза старика загорелись от слов Борджиа.

Через тонкие, как лезвия ножа, губы он выдохнул:

– Аминь.

XIV

Ранним утром одиннадцатого августа 1492 года окно совета кардиналов открылось.

Родриго Борджиа был избран Папой под именем Александр VI.

Александр VI сразу объявил, что для собора Санта Мария дель Пополо, которому он покровительствовал, будут заказаны новый алтарь и орган.

Народ аплодировал. Он отслужил торжественную мессу в Бенедиктинском монастыре.

– Я благословляю город.

– Я благословляю страну.

– Я благословляю Италию.

– Я благословляю мир.

Папа Александр VI (*Портрет из собрания Паоло Джовио*)

В два часа пополудни, когда снаружи невероятно пекло августовское солнце, а внутри дворца все спали за опущенными ставнями, Лукреция Борджиа, дочь Папы, шла через темные проходы Ватикана, где тут и там блестели золотисто-зеленые огни, в покои кардинала Жерардо. Она шла спокойно, легкими, но твердыми шагами.

Перед дверью она одно мгновение помедлила и потом вошла без стука.

Древний кардинал поднялся из своего кресла. Пурпурная краснота залила его лицо, но тут же уступила место мертвенной бледности.

Он с усилием поднял веки, чтобы лучше рассмотреть это возникшее перед ним чудесное создание, эту девушку необычайной красоты.

На ней было только легкое парчевое покрывало, которое едва доходило до колен.

Она распахнула покрывало и стояла перед ним обнаженная. Перед ним было прекраснейшее творение природы — цветущая женщина: алый рот, нежное тело...

Он еще раз поднял руки.

Тут его колени подкосились.

Он упал в кожаное кресло.

Голова глухо ударилась о край стола.

Луcreция удивленно раскрыла глаза, снова закуталась в покрывало и подошла к мертвому кардиналу. Она закрыла ему глаза легким, почти нежным движением руки.

Она осенила его крестом, потом попробовала лакомства, явно приготовленные для нее на серебряном подносе, стоящем на столе, и вышла такими же легкими, но твердыми шагами, какими пришла сюда.

XV

Александр VI был вне себя от счастья. Он выиграл труднейшую игру, в которой так много было поставлено на карту.

«Мы начали восхождение, мы — Борджиа. Восхождение, Бог, к твоему трону. Мы уже вступили на первую ступеньку лестницы Якова.

Теперь мы пойдем вверх, только вверх, через тучи, ветры, грозы, молнии и град, прямо к звездам.

Мы достигнем тебя, так как Ты — Отец Небесный и отец Борджиа.

Если когда-либо на Земле снова появится Сын Божий, чтобы спасти человечество, то теперь это будет Борджиа.

Цезарь возвеличил Рим, но только Александр Борджиа поднимет его на небывалую вершину, человек, который приблизится к Богу и сравняется с Богом».

Так ликовал и богохульствовал Папа.

«Я сделаю Хуана светским властителем Италии. Чезаре скоро получит шапку кардинала и унаследует после меня папский престол. Я хочу сделать папский престол наследственным. Он должен отныне принадлежать во все времена только Борджиа. Чезаре должен стать третьим Папой Борджиа».

– Покорми голубей, детка, — сказал Александр Лукреции, которая стояла рядом с ним на балконе Ватикана и смотрела вниз на площадь Святого Петра, где бродячие собаки гонялись друг за другом, — покорми голубей! Голубь — это таинственная птица Святой Троицы! Мы должны их подкармливать.

Красный Бык красуется на гербе Борджиа. Пинтуриккио должен написать в комнатах Папы фрески, изображающие процессии в честь священного Аписа.

Родриго Борджиа, теперь Папа Александр VI, решил устроить в честь своего избрания и к радости итальянского народа бой быков — корриду — в развалинах Колизея, который станет самой подходящей Плаза де Торос — ареной для корриды.

«Я — испанец, — говорил себе Папа. — Я больше не хочу мириться с тем, что здесь нет испанских развлечений. Слишком долго я был их лишен. Сейчас я хочу устроить настоящий праздник Борджиа для римлян».

Чезаре Борджиа, его сын, шествовал мимо трибун в испанском костюме тореадора, с опущенной шпагой, и там, где он проходил, сердца прекрасных женщин учащенно бились.

– Ты великолепен! — Лукреция бросила ему желтую розу.

Она сидела рядом с Папой в выстланной красным бархатом роскошной ложе. Справа рядом с ним сидела девятнадцатилетняя красавица Юлия Фарнезе, разгоревшаяся страсть к которой доводила его до исступления. Но она все еще была ему недоступна. Папа использовал даже любовный напиток, который для него приготовил лейб-медик из корня мандрагоры, найденного черной собакой в полнолуние. Но до сих пор напиток так и не подействовал.

Лукреция повернулась к Папе:

– Послушай, Папа Рима и папа Борджиа, мне так жалко быка. Дай ему хотя бы перед смертью корову. Тогда ему будет легче умереть.

Юлия покраснела.

Папа рассмеялся:

– Такое пожелание законно как на небе, так и на Земле.

Он приказал вывести на арену трех коров и неистовый бык покрыл всех трех.

С галереи неслись крики одобрения.

Юлия закрыла глаза.

Коров увели и на арену выехали пикадоры. Сидя на лошадях, они раззадоривали быка короткими пиками, и бык, сопя, с опущенными рогами, бросался на них.

Выбежала толпа бандерильеров; они втыкали быку усаженные крючками бандериллы в уже дрожащее и кровоточащее тело. С толпой бандерильеров налетел рой мух, которые с жужжанием вились над быком и впивались в его раны.

Размахивая красными плащами, копеадоры пытались отвлечь быка от загнанного в угол пикадора.

Слишком поздно.

Бык уже вспорол рогами живот его лошади, а затем подбросил лошадь и всадника как мячи в воздух.

Бык нацелил свои рога на пикадора и вонзил их ему в спину. Вслед за этим он бросил его в песок, который тут же начал окрашиваться в красный цвет.

Крик ужаса раздался на трибунах. И тут пробежал Чезаре Борджиа. В левой руке он держал палку, на которой развевалось красное полотнище. С его помощью он заставил быка метаться зигзагами из стороны в сторону.

Когда разъяренный бык стоял прямо перед ним с опущенными рогами, Чезаре внезапно вонзил шпагу ему между рогами.

Бык закачался и задрожал. Он поднял голову и посмотрел стекловидными глазами на яркое солнце. Он еще раз почувствовал животворящее тепло божественного небесного светила перед тем как его глаза погрузились в вечную темноту. Он упал на землю, придавленный железным кулаком смерти.

Чезаре поднял шпагу, приветствуя сидящих в папской ложе.

Лукреция была бледной от пережитого страха.

Папа был в восторге. Он одержимо захлопал в ладоши, а за ним и все трибуны взорвались аплодисментами.

Чезаре Борджиа в Каррара (приписывается Джорджоне)

На следующий день Чезаре, вопреки воле Совета Кардиналов, был облачен в пурпур кардинала, хотя он никогда официально не был посвящен в этот сан.

Чезаре отправился к цирюльнику:

– Выбей мне тонзуру! Но только не слишком большую! Чтобы она могла поскорее снова зарости!

XVI

Юлия, прекрасная, любила Орсо, одноглазого сына Адрианы.

Когда Папа узнал об этом, он устроил для них великолепную свадьбу и удостоил их собственным присутствием на ней. Александр Фарнезе, брат Юлии, был назначен кардиналом. В народе его вскоре прозвали «кардинал Фрегезе» (кардинал-влагалище).

Папа распорядился, чтобы молодая супружеская пара поселилась во дворце Сан Мартинелли, который располагался вплотную к Ватикану. Калитка от него вела прямо в ватиканские сады.

В ночь полнолуния, без корня мандрагоры и черной собаки, покорилась Юлия, юная дева, Александру, старику.

Орсо, одноглазый, ослеп.

По желанию Александра Борджиа Юлию Фарнезе пронесли в торжественной процессии как живую святую.

Сам же Александр Борджиа потерял веру в мандрагору и решил в будущем верить только в себя самого.

Женщина с единорогом (Лука Лонги, предполагаемый портрет Джулии Фарнезе)

Чтобы посмеяться над тем, что люди того времени были очень суеверны, Александр Борджиа отныне с удовольствием стал вызывать всех демонов ада и небес. В его спальне висели чучела птиц и зверей, по поверьям приносящих несчастья: множество сов, кукушек, летучих мышей. Белая роза, цветок смерти, лежала каждый вечер на его подушке.

Он любил есть в обществе из тринадцати человек. Приборы на столе ставили друг на друга крест-накрест. При начале трапезы он старался пролить, как бы невзначай, вино на скатерть.

Ему нравилось, когда кошки перебежали ему дорогу.

И радовался, если он встречал красивую монахиню.

Чаще всего он приводил ее с собою в Ватикан, но если это было слишком далеко, он вел ее в близлежащую церковь и развлекался с нею в боковой галерее.

Немецкий доктор юридических наук и теологии Йоханнес Беркардус из Хаслаха, что около Страссбурга, сочинил прокламацию о новом Папе на простонародном немецком языке. Эта прокламация распространялась повсюду в Германии и там завоевала Папе много поклонников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.